

Т. Д. НАДЬКИН, Т. П. ШИШУЛИНА
ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КАДРА МИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ МОРДОВИИ В 1930-е ГГ.

В начале 1930-х гг. проблема кадров в милицейском аппарате Мордовии, как и по всей стране, стояла очень остро. Милиция оказалась в трудном материальном положении, что было обусловлено, в первую очередь, переводом на местный бюджет. В результате для этого периода были характерны высокая текучесть и отсев кадров. По сравнению с 1923 г., численность состава милиции и уголовного розыска РСФСР сократилась более чем в 2,5 раза. Та же тенденция наблюдается и в Мордовии: документы отдела кадров МВД МАССР начала 1930-х гг. насыщены сведениями об увольнениях сотрудников милиции, о «количественном и качественном некомплекте кадров и о прибывших, убывших и перемещенных сотрудниках» [1. Л. 2].

Причем в приказах об увольнениях их причины часто формулируются довольно расплывчато. Самой распространенной является формулировка: «увольняется за невозможностью дальнейшего использования» [2. Л. 67, 115]. В качестве причин увольнения весьма часто также выступают «систематическая пьянка», «дискредитация органов РКМ», «растрата казенных денег», «превышение власти» [2. Л. 67; 3. Л. 181].

Кадровая проблема осложнялась еще одним обстоятельством. В соответствии с решением XVI партийной конференции, в милиции в 1929–1930-х гг. проводилась так называемая «чистка» сотрудников [11. С. 227]. И хотя проведение «чистки» должно было основываться на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения, основной упор при ее реализации в милицейском аппарате Мордовии делался именно на классовый подход. Видимо, именно необходимостью проведения «чистки» было продиктовано столь внимательное отношение к графам «социальное происхождение» и «принадлежность к партийным и общественным организациям» при составлении именного списка работников Мордовского областного ОГПУ, датированного 1 января 1931 г. [1. Л. 2]. Именно напротив «классово-чуждых», «бюрократических» или «разложившихся», происходящих преимущественно из «кулаков», элементов в данном списке стоят отметки о последующем увольнении. Подобные тенденции, характерные для милиции Мордовии и всей страны начала 1930-х гг., постоянно поддерживались и вышестоящими органами. Так, НКВД РСФСР в этот период неоднократно обращался ко всем общественным, советским и партийным органам, а также отдельным гражданам с призывом «оказать содействие» при проведении «чисток» в милиции [12. С. 76].

Кроме того, вновь получает распространение «выдвиженчество». Это было связано с тем, что НКВД в 1930 г. указало на необходимость «более смелого и решительного выдвижения» в аппарат на руководящие должности рабочих и работниц с производства, колхозников и представителей бедняцко-батрацких слоев крестьянства и коренного населения национальных районов. При этом «выдвиженцам» гарантировался заработок, не ниже того, который они получали на предприятиях [12. С. 85]. Согласно плану на 1930 г., НКВД планировал доведение числа выдвиженцев до 10 % общего числа работников милиции [8. Л. 11]. Для повышения профессионализма выдвиженцев существовали различные формы выдвижения. В Москве на Высших курсах НКВД РСФСР усовершенствования административных работников выдвиженцы проходили 6-месячную подготовку. На местах, в том числе и в Мордовии, они пристраивались к опытным специалистам. В результате проведения мероприятий по выдвиженчеству рабоче-крестьянская прослойка в милиции существенно возросла.

Важнейшим шагом для улучшения качественного состава милиции являлся перевод в нее значительного количества сотрудников из органов ОГПУ. Причем руководством ОГПУ указывалось, что каждый чекист, направленный на работу в милицию, должен смотреть на этот перевод как на особо важное оперативное поручение. Руководители органов ОГПУ обязывались выделять для работы в милиции и уголовном розыске наиболее исполнительных и работоспособных чекистов.

В начале 1930-х гг. после передачи милиции в ведение ОГПУ осуществляется ряд мер по изменению правового и материального положения ее работников. Показательно в этом плане принятое ЦИК и СНК СССР 3 февраля 1931 г. постановление «О правовом и материальном положении работников милиции и уголовного розыска» [8. Ст. 90]. После создания в Мордовии районных управлений милиции и уголовного розыска, в марте 1931 г. оклад месячной зарплаты устанавливался в 140 руб. для помощника РУМ и УР и 125 руб. – уполномоченным районных управлений милиции [10. С. 103].

Теперь условия труда работников милиции регулировались не общим законодательством о труде, а специальным положением о рабоче-крестьянской милиции, утвержденным СНК, уставами и иными ведомственными нормативными актами. В июле 1931 г. Главное управление РКМ РСФСР утвердило новый Дисциплинарный устав рабоче-крестьянской милиции. В нем давалось более детальное правовое регламентирование вопросов дисциплины работников милиции, устанавливались меры поощрения и дисциплинарного взыскания.

Дисциплинарные взыскания были частым явлением в милиции Мордовии 1930-х гг. Так, приказом по НКВД МАССР от 28 марта 1938 г. арестовывался на 10

суток сотрудник ведомственной милиции по охране Госбанка г. Саранска, «по неосторожности» которого в банке возник пожар. Такое же дисциплинарное взыскание было наложено на уполномоченного ОУР УРКМ МАССР, который «несмотря на ряд предупреждений о прекращении очковтирательства... продолжал симулировать по службе, кроме того, связался с женой соцвреда, давал ей неоднократно пропуска в тюрьму, стремился использовать ее как женщину и т. д.». Очень распространены были дисциплинарные взыскания милиционеров Мордовии за потерю оружия, «за бесцельные выстрелы и пьянку», «за обывательскую болтовню, распространение несоответствующих действительности фактов, относящихся к работе и внутреннему распорядку НКВД», за «допущенную грубость с выражением нецензурного слова». Часто сотрудники милиции подвергались дисциплинарным взысканиям в связи с невыполнением директив из центра, «за неряшливое проведение следствия и нарушение процессуальных норм УПК» [5. Л. 88–9].

В качестве дисциплинарных взысканий использовались не только аресты, но и выговоры, строгие выговоры, предупреждения, замечания. В отдельных случаях после отбывания наказания сотрудники милиции даже увольнялись из РКМ.

Однако в данный период в милицейском аппарате Мордовии были весьма распространены и поощрения. Так, младший командир 4-й Саратовской военно-пограничной школы «за время работы в НКВД МАССР проявил себя в оперативной работе с самой положительной стороны, показав образцы настойчивости, бдительности и умения ориентироваться в сложно обстановке разоблачения врагов народа», за что ему была объявлена благодарность и в качестве награды подарен фотоаппарат. Очень распространены были поощрения милиционеров, которые задерживали «подозрительных граждан» и доставляли их в отделения милиции. За «бдительность, находчивость и преданность» такие сотрудники милиции обычно поощрялись денежными вознаграждениями. Кроме того, некоторые милиционеры во время и вне совершения служебных обязанностей рисковали жизнью для спасения людей, за что также поощрялись. Так, приказом по НКВД МАССР от 13 апреля 1938 г. была объявлена благодарность помощнику уполномоченного Ельниковского РОМ за «спасение утопающего на р. Мокша с. Мельцан Ельниковского района; 11 апреля 1939 г. начальник РОМ Рузаевского района был награжден за спасение детей, которых унесло на льдине по р. Инсарке. Часто сотрудники милиции награждались подарками ко Дню милиции: так, 10 ноября 1937 г. 26 начальников районных отделений милиции, оперуполномоченных и уполномоченных ОУР «за долголетнюю безупречную службу, за добросовестное отношение к работе в борьбе с преступностью» получили «ценные подарки» – радиоприемники, велосипеды, фотоаппараты, металлические часы и др. Сотрудники милиции награждались и в связи с другими праздниками: так, 7 марта 1939 г. работницы РКМ были поощрены денежными премиями, а также «отрезами на платье», «шерстяными юбками», «шелковыми кофточками» [2. Л. 206].

В августе 1931 г. был утвержден Временный устав внутренней службы рабоче-крестьянской милиции. Он регламентировал порядок поступления на службу и ее прохождения, определял условия труда в милиции и меры по сохранению здоровья ее работников, порядок ответственности работников милиции за преступления, совершенные против установленного порядка несения службы, отнесения их к воинским преступлениям, подсудным военным трибуналам. Меры по реализации этого устава предпринимались и в Мордовии. Тем не менее, даже в 1937 г. констатировалось, что «положение с медобслуживанием НКВД МАССР до сих пор продолжает оставаться на чрезвычайно низком уровне». Большое внимание в 1930-х гг. уделялось и мерам по сохранению здоровья сотрудников милиции Мордовии, о чем свидетельствуют приказы НКВД, связанные с участием спортивного общества «Динамо», созданного при НКВД МАССР, «в футбольных розыгрышах», «в лыжных соревнованиях», в «стрелковых соревнованиях». Духу времени соответствовали и призы, выдаваемые за победу на подобных соревнованиях: так, лыжная команда 2-го спортивного коллектива общества «Динамо-УРКМ», занявшая 1-е место в соревнованиях в 1938 г. получила в награду «портрет наркома внутренних дел СССР товарища Ежова» [4. Л. 130].

В постановлении СНК СССР (февраль 1932 г.) была установлена подсудность военным трибуналам оперативного состава милиции по делам о государственных, должностных и воинских преступлениях. В источниках 30-х годов содержится немало сведений о предании военным трибуналам работников милиции Мордовии. Так, только в период с 1 по 15 июня 1937 г. из органов милиции МАССР «в связи с преданием суду военного трибунала» было уволено 7 чел. В 1938 г. был предан Отделу Военного Трибунала Приволжского округа и впоследствии приговорен к 3 годам 6 месяцам ИТЛ участковый инспектор Торбеевского РОМ НКВД МАССР, который 29 апреля 1938 г. «с Торбеевской винбазы похитил литр водки», а 4 октября того же года «обезоружил колхозного сторожа... нагрузил в себе машину около тонны картофеля и увез домой» [14. Ст. 65]. В 1939 г. военным трибуналом к 1 году исправительно-трудовых работ был приговорен милиционер Теньгушевского РОМ НКВД, который «...допустил совместную пьянку с заключенными за средства заключенных». К лишению свободы на 2 года был приговорен милиционер Старосиндровского РОМ НКВД, который получил от привлеченных к уголовной ответственности односельчан взятку в сумме 230 руб., за что «обещал им смягчить дело и уладить все в суде» [2. Л. 101].

После образования в июле 1934 г. Народного комиссариата внутренних дел СССР основную кадровую работу во всех службах и подразделениях милиции вели специализированные аппараты, во главе которых стоял отдел кадров НКВД СССР. О большем значении его работы свидетельствует изданное 3 мая 1939 г. Положение об отделе кадров НКВД СССР, согласно которому данный орган

НКВД выполнял весьма обширный круг функций: подбор, расстановку, выдвижение, перемещение, увольнение личного состава управлений (отделов) центрального аппарата НКВД СССР; обеспечение начальствующим составом аппаратов НКВД на местах путем перераспределения кадров; подготовка сотрудников и повышение их квалификации; обеспечение мобилизационной готовности кадров на случай военного времени и др.

Принцип строгого контроля за подбором кадров действовал и на местах. Весьма типичными для 1930-х гг. являются такие приказы Народного комиссара внутренних дел МАССР или его заместителя: «Несмотря на неоднократные предупреждения о недопущении к работе вновь прибывших на службу в РКМ без моего утверждения или разрешения, отдельные начальники РОМ все же допускают на работу вновь прибывших вопреки моим указаниям...» [5. Л. 30].

В условиях, когда коммунистическая партия в начале 1930-х гг. провозгласила курс на развернутое «наступление социализма в городе и в деревне», повышалось значение партийно-политической работы с кадрами милиции. Поэтому в органах милиции восстанавливается политический аппарат. В Главном управлении при СНК СССР стали действовать политотделы, в местных органах милиции, в том числе и в структурных подразделениях милиции Мордовии – политинспекции.

С передачей милиции в систему ОГПУ, 1 ноября 1931 г. была утверждается инструкция о работе политорганов милиции секретарем ЦК ВКП(б) П. П. Постышевым, которая определяла организационное построение и основные задачи политорганов милиции [9. Л. 153].

Общее руководство партийной работой в органах милиции осуществлял ЦК ВКП(б). Через политотдел Главной инспекции ОГПУ непосредственное руководство парторганами милиции осуществлялось соответствующими областными (краевыми) комитетами ВКП(б), ЦК национальных компартий, горкомами и райкомами партии через политотделы, политчасти и политинспекции милиции, которые являлись рабочим аппаратом этих партийных комитетов.

Основными задачами политорганов являлось руководство всей политической, культурно-просветительской и партийно-воспитательной работой, укрепление партийных и комсомольских организаций, улучшение их работы, повышение морального состояния рабоче-крестьянской милиции.

В этом документе отразился дух времени: курс на ликвидацию эксплуататорских классов в городе и деревне, соответственно чему формулировалась основная задача политорганов – работа по дальнейшей коммунизации и орабочиванию личного состава, а также по очищению органов милиции от классово-чуждых и преступных элементов. В условиях тоталитарного режима обеспечение

политической благонадежности кадров, привитие им чувства внутренней убежденности в правоте того дела, которому они служат, безусловная преданность Коммунистической партии имели особое значение. Поэтому, на протяжении 1930-х гг. происходит существенное расширение и усиление политического аппарата милиции: в августе 1937 г. вводятся новые штаты политаппаратов, в сентябре 1939 г. – укрепляются и расширяются функции Главного управления (отдела) НКВД СССР. Таким образом, кадровый состав милиции был поставлен под строгий контроль партийного аппарата с тем, чтобы быть надежным проводником политического курса ВКП(б), эффективным инструментом в ее руках.

С образованием политорганов активизировалась работа по политическому воспитанию кадров, повышению их образовательного уровня. С октября 1932 г. вводится обязательная марксистско-ленинская учеба для лиц среднего, старшего и высшего начального состава. Центрами политической и культурно-воспитательной работы стали, возникшие еще в 1920-е гг., «красные столы» и «ленинские уголки», которые образовывались во всех органах и подразделениях милиции со штатом более 25 человек. Подобные тенденции были характерны и для милиции Мордовии. Так, газета «Красная Мордовия» 10 ноября 1932 г. сообщала: «Ленинский уголок Саранского гарнизона Рабоче-крестьянской милиции помимо кружков художественной самодеятельности должен использовать и всю периодическую печать и литературу, которая имеется в достаточном количестве в библиотеке. При Ленинском уголке организованы кружки – драматический, музыкальный, хоровой и другие» [10. С. 65].

Несмотря на отрицательные стороны, деятельность политорганов имела и положительное значение: способствовала укреплению дисциплины, более ответственному отношению к служебному долгу, повышению общеобразовательного уровня работников милиции. Хотя процент образованных сотрудников милиции был, по-прежнему, невысок: так, в 1940 г. только 17 % начсостава и 1,5 % рядового состава милиции имели среднее образование. В Мордовии, согласно данным на 1931 г., только 1,9 % сотрудников милиции имели специальное образование, 13,4 % – среднее и 84,6 % – низшее. Кроме того, о низком уровне грамотности мордовских милиционеров свидетельствуют многочисленные приказы по НКВД о дисциплинарных взысканиях за неграмотное оформление дел. Так, в приказе по НКВД МАССР от 4 марта 1937 г. сообщалось: «При просмотре следственных дел, поступающих из Торбеевского РОНКВД, обнаружена исключительная небрежность проведенного следствия по этим делам. Вопросы обвиняемому задавались бессодержательные, безграмотные и компрометирующие органы НКВД. В протоколе допроса обвиняемого... от 24.01.1937 г. буквально записано –

Вопрос: «Следственико известно, что вы лично 1936 г. месяце говорили Япония войну СЕРР случаи войны воевать единоличника не пойдет».

Ответ: «Я лично против Советской власти о военных действиях не говорил в 1936 году».

Вопрос: «В 1936 г. летом будучи Вы кооперативе распространяли пораженчески слухи колхозам голод о мы единоличники свободными».

Ответ: «Я этого в 1936 г. в кооперации не говорил, что в колхозах голод мы единоличники свободные» [2. Л. 72].

Подобная неграмотность при проведении допросов обвиняемых обнаружена и во многих других протоколах.

Поэтому, на протяжении 1930-х гг. не прекращалась работа по общеобразовательной подготовке кадров милиции. В соответствии с циркуляром от 8 октября 1932 г. «О развитии общеобразовательной работы в органах рабоче-крестьянской милиции» все сотрудники милиции, которые нуждались в повышении своего образовательного уровня, должны были сесть за парты [14. Ст. 4]. Кроме того, действовали специальные кружки для работы с малограмотными. В качестве преподавателей привлекались грамотные сотрудники милиции, члены их семей.

Меры для повышения общеобразовательного уровня сотрудников милиции предпринимались и в Мордовии. Так, согласно приказу УНКВД по Куйбышевской области №0025, 5 марта 1937 г. Народным комиссаром внутренних дел Мордовии издается приказ «Об организации общеобразовательных курсов начсостава Госбезопасности». В нем предписывалось «организовать при УГБ НКВД вечерние общеобразовательные курсы для начсостава Госбезопасности и кандидатов на звание. На курсы зачислить начсостав и кандидатов на звание, не имеющих среднего образования и нуждающихся в повышении общеобразовательных знаний». Согласно приказу, при УГБ НКВД создавалась учебная группа, занятия в которой приказывалось проводить с 18 до 23 часов один раз в шестидневку. Организовывался строгий учет посещаемости и усвояемости по курсам [5. Л. 51].

В 1938 г. в органах РКМ Мордовии «в целях повышения квалификации... организованы занятия в порядке командирской учебы, которые весь начальствующий и рядовой состав РКМ должен посещать в обязательном порядке». Однако, как свидетельствуют источники, «имели место со стороны отдельных работников РКМ нарушения настоящего приказа». Так, из начальствующего состава из 5 занятий за февраль месяц только 2 человека посетили 3 занятия, 3 сотрудника – 2 занятия, 2 – по одному. Из рядового состава из 20 занятий за тот же месяц только 4 чел. посетили 7 занятий, 2 сотрудника – 6 занятий, 2 – 4 занятия, 4 – по 3 занятия. В январе 1940 г. в одном из приказов по НКВД МАССР отмечалось, что наблюдались «массовые случаи непосещения сотрудниками Наркомата общеобразовательной школы в дни учебы и жалобы на недостаток времени для самоподготовки». Думается, причиной невысокого стремления сотрудников милиции Мордовии к знаниям был чрезмерно загруженный режим работы. Так, в приказании по НКВД МАССР от 22 марта

1937 г. указывается, что «обязанностью каждого оперработника является посвящать следственной работе не менее 12–4 часов в сутки». Для второй половины 1930-х гг. характерно также массовое издание приказов о продолжительности рабочего дня для оперативных сотрудников НКВД МАССР: так, в 1938 г. он устанавливался с 10 часов утра до 3 ночи с перерывом на обед с 17 до 19 часов; в 1939 г. с 10 часов утра до 3 ночи с перерывом на обед с 17 до 20 часов, причем с 20 часов до 2 часов ночи должны были проходить вечерние занятия [7. Л. 384]. При таком режиме работы вполне объяснима низкая результативность попыток повышения образовательного уровня сотрудников милиции Мордовии.

Важным этапом в деле укрепления кадрового состава милиции, повышения его качественного уровня стало проведение в конце 1935 г. аттестации всего начальствующего состава, четкого определения его прав и обязанностей, установление специальных знаков различия для сотрудников, что было юридически закреплено в Положении о прохождении службы начальствующим составом милиции, утвержденным СНК СССР 3 июля 1930 г. [15. Ст. 316]. Положение относилось к начсоставу РКМ оперативно-строевых сотрудников ГУ РКМ НКВД и его местных органов, имеющих специальную подготовку и выполняющих руководящую или оперативно-строевую работу. В зависимости от подготовки и квалификации, служебной аттестации и стажа работы в оперативных органах НКВД начсоставу присваивались специальные звания: сержант милиции, младший лейтенант милиции, лейтенант милиции, старший лейтенант милиции, майор милиции, старший майор милиции, инспектор милиции, директор милиции, главный директор милиции.

В рассматриваемый период продолжала развиваться система профессиональной подготовки работников милиции, которая приобрела более четкие, определенные формы. Еще в 1928 г. в г. Самаре открылась областная школа административно-милицейских работников, рассчитанная на 150 мест, из них 30 отводилось для работников мордовской национальности. 19 работников из мордвы были направлены на учебу в Саратовскую школу. Кроме того, в Саранске открылась окружная школа-резерв для подготовки младшего милицейского состава из лиц мордовской национальности. В целях подготовки работников милиции для работы в селе еще в 1929 г. в Самаре были созданы 9-месячные курсы, где учились и работники мордовской милиции, получая необходимые специальные знания [10. С. 62]. Важное значение для дальнейшего развития системы профессиональной подготовки работников милиции Мордовии имело постановление СНК РСФСР от 9 июля 1930 г. «О состоянии рабочей милиции и уголовного розыска», в котором предлагались конкретные меры по развитию сети учебных заведений НКВД. Кроме того, правительство РСФСР предлагало всем краевым и областным исполнительным комитетам Советов открыть в 1930/1931 учебном году не менее чем по одной школе младшего начсостава, а также расширить сеть курсов по подготовке или переподготовке рядового состава милиции.

Открывшийся летом 1930 г. в Москве Институт административного строительства, в 1931 году объединяется в Центральную высшую школу ГУ РКМ при СНК РСФСР со сроком обучения в 1 год. В 1931–1932 гг. в Ленинграде и Москве открылись школы для подготовки старшего начсостава со сроком обучения 10 месяцев, а также действовало 9 школ для подготовки кадров среднего начсостава. После образования НКВД СССР подготовка в школах милиции стала включать элементы высшего образования, центральная высшая школа и все школы высшего и среднего начсостава перешли на двухгодичное обучение.

В мае 1939 г. НКВД СССР ставит задачу для межкраевых школ, состоящую в подготовке оперативных работников для периферийных органов милиции. В целом, в 1930-е гг. был сделан шаг вперед в деле подготовки сотрудников милиции, однако, процент сотрудников, прошедших систематическую профессиональную подготовку, оставался низким, и до сих пор не предусматривалось получение регулярного образования по вузовской программе. Кроме того, следует учитывать, что школы для подготовки старшего начсостава были малодоступны для работников периферийных органов милиции (в основном, в связи с низким уровнем их общеобразовательной и профессиональной подготовки), в том числе и Мордовии. Таким образом, в 1930-е гг. в структуре и деятельности милиции Мордовии происходят изменения, важнейшим фактором которых стали меры по реорганизации центрального аппарата органов внутренних дел, вызванный общим курсом советского руководства того времени в русле формирования командно-административной системы в стране. Проведенная реорганизация милиции имела как положительные, так и отрицательные стороны: с одной стороны, она привела к крайнему централизму аппарата милиции, превратила его в придаток ОГПУ, ослабила организационные связи с республиканскими и местными органами власти; с другой – привела к укреплению материальной базы милиции, переводу в милицию работников ОГПУ и как следствие, повышению качественного уровня кадров, росту эффективности борьбы с преступностью и в конце 1930-х гг., в связи с обострением международной обстановки осуществление мер, направленных на обеспечение готовности милиции к работе в условиях военного времени.

Литература

- 1. Архив МВД РМ, ф.3, оп. 1., д.1.*
- 2. Архив МВД РМ, ф.33, оп. 1, д.2.*
- 3. Архив МВД РМ, ф.33, оп. 1, д.3.*
- 4. Архив МВД РМ, ф.33, оп. 1, д.4.*
- 5. Архив МВД РМ, ф.33, оп. 1, д.9.*
- 6. Архив МВД РМ, ф.33, оп. 1, д.18.*
- 7. Архив МВД РМ, ф.33, оп. 1, д.30.*
- 8. ГА РФ, ф. 393, оп. 2, д. 13.*

9. ГА РФ, ф. 393, оп. 13, д. 140.

10. Бычков В. Ф. Закона и порядка верный щит: очерки истории советской милиции Мордовии. Саранск:

Морд. кн. изд-во, 1982. 152 с.

11. КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1989–986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат. 1983. Т. 4: 1926–929. 575 с.

12. Мулукаев Р. С. Милиция России (1917–993 гг.): историко-правовой очерк. Орел: Орлов. кн. изд-во. 1995. 235 с.

13. СЗ СССР. 1931. № 8.

14. СЗ СССР. 1932. № 12.

15. СЗ СССР. 1936. № 36.